

УДК 821.111-31(410)
ББК 84(4Вел)-44
Т67

Hannah Treave
THE NOTEKEEPER

Серия «Обретая себя: искра жизни»

Печатается с разрешения литературных агентств
Blake Friedmann Literary, TV & Film Agency Ltd и Andrew Nurnberg

Перевод с английского *Ирины Литвиновой*

Оформление обложки *Александра Воробьева*

В книге присутствуют упоминания социальных сетей,
относящихся к компании Meta, признанной в России экстремистской,
и чья деятельность в России запрещена.

Трив, Ханна.

Т67 Хранитель памяти: [роман] / Ханна Трив; – [перевод
с английского Литвиновой И.]. — Москва: Издательство АСТ,
2024. — 448 с. — (Обретая себя: искра жизни).

ISBN 978-5-17-151515-7

Задумывались ли вы когда-нибудь, какими будут ваши последние слова в этом мире? Возможно, эти слова принесут утешение не только вам, но и смогут спасти жизни тех, кого вы оставляете после себя...

Зои, будучи не в силах пережить семейную трагедию, сбегает из Австралии в Англию. Здесь она устраивается на работу медсестрой в хоспис. Теперь ее миссия — записывать последние мысли своих пациентов и передавать их близким.

Бену, начальнику Зои, совсем не нравится, что она так активно вмешивается в жизнь обитателей хосписа. Но со временем они сближаются и обнаруживают, что у них гораздо больше общего, чем они думали.

Вместе с Беном Зои учится противостоять своему прошлому и собственному горю. Ее боль постепенно затихает, она вновь готова жить и любить...

Но сможет ли выстоять Зои, когда ее мир снова разлетится вдребезги?

УДК 821.111-31(410)
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-151515-7

© Hannah Treave 2023
© Литвинова И., перевод, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2024

шим ее прошлой жизни. Жизни, когда-то наполненной счастьем, работой, поездками в школу, вечерами в кино, прогулками по пляжу, ранними утрами и любовью.

Тем утром, после того как муж ушел на работу, она приготовила свой обычный кофе и отщипнула кусочек гренки. До начала дежурства в больнице оставалось время, и она принялась за глажку. Выудила из груды белья одну из рабочих рубашек мужа и свою униформу медсестры. Но когда потянулась за темно-синей футболкой сына, нервы сдали. При виде этого предмета одежды, безобидно лежащего в корзине, она рухнула на пол, увлекая за собой и футболку, и гладильную доску с утюгом. Распластавшись на холодном кафеле, она долго и безутешно рыдала, оплакивая жизнь, которую когда-то знала, жизнь потерянную — и уже навсегда.

Когда были выплаканы все слезы, она оглядела дом, в котором прожила почти всю свою замужнюю жизнь. Она чувствовала, что задыхается — ей нужно было выбраться отсюда. Она бросилась к прикроватному столику в спальне, полезла в ящик и взяла оттуда девственно чистый синий паспорт, которым не пользовались годами. Затем надела туфли и пальто, схватила сумку и вышла из дома.

Уже собираясь захлопнуть дверь, она вспомнила, что забыла самую важную вещь. Взбежав обратно по лестнице, она снова полезла в ящик тумбочки и достала сложенный листок разлинованной бумаги. Одно только ощущение его в руках придавало женщине сил. Прижав бумажку к губам, она нежно поцеловала ее, затем сунула в сумку и сбежала вниз по лестнице. Она выскочила за дверь, даже не потрудившись проверить, закрыт ли замок. Ею двигало лишь одно желание — сбежать.

Хранитель памяти

И ей это удалось. На автобусе доехала до аэропорта и, как в сцене из фильма, купила билет на первый же рейс до Лондона, не думая о стоимости. Теперь, когда бортпроводники начали толкать тележку с напитками по проходу, она подалась вперед и потянулась за сумкой. Вытащив драгоценный листок бумаги, она смаковала скупые слова, дорожа каждым из них.

Я просто хочу быть ковбоем.

Читая, она чувствовала прилив сил. Этот клочок бумаги дарил ей то, что, как она думала, ушло навсегда. Надежду.

Глава 1
Два года спустя

Звук хриплого затрудненного дыхания нарушал тишину в комнате, пока Зои Эванс перечитывала несколько строк в блокноте, который лежал у нее на коленях. Она читала запись уже в четвертый раз, и ей по-прежнему не нравилось почти каждое слово. Она резко подняла голову, отчего седеющий светлый локон выбился из низкого пучка на затылке.

— Артур, ты уверен, что именно это хочешь сказать? — уточнила она, пристально глядя на автора строк.

Одышка усилилась, когда пожилой мужчина в инвалидном кресле кивнул. Его слезящиеся глаза были полны стальной решимости.

— Уверен. Я слишком долго отрицал это, пришло время сказать правду.

Зои подавила стон отчаяния. Она проработала медсестрой более двадцати лет и давно усвоила, что придирается к пациентам — не самый эффективный способ заставить их делать то, что лучше для них.

— Ладно. — Она ободряюще улыбнулась Артуру. — Но тебе не кажется, что говорить своей жене, с которой прожил шестьдесят лет, что ты никогда не любил ее и что смерть станет приятным избавлением от ее бесконечного ворчания, острого языка и, — Зои сделала паузу, чтобы

заглянуть в блокнот, — постоянного пуканья, это немного жестоко?

Артур кивнул.

— Я уверен. Я никогда не одобрял ложь.

Зои отложила блокнот и сунула ручку в карман. Она тоже не любила ложь, но и не считала, что всегда уместно говорить людям неприкрашенную правду.

— Что-нибудь еще? Может, скажешь что-нибудь *приятное*? — улыбнулась она. — Одри — твоя жена. Последние шесть недель она возила тебя в дневной стационар этого хосписа. Вы столько лет прожили вместе, построили свой мир для вас двоих.

Выражение лица Артура смягчилось.

— Конечно, я люблю Одри, но этот чертов рак дал мне пинка под зад. Я не хочу встречаться со своим создателем, зная, что не был до конца честен. Я благодарен Одри за все, что она сделала. Мы с ней хорошо ладили, но я так и не смог забыть свою первую любовь — Дейдрре Гамильтон.

При упоминании имени Дейдрре на лице Артура появилось мечтательное выражение. Зои видела, что он где-то далеко от этой викторианской виллы на окраине Бата, где ныне разместился хоспис. Когда лучи позднеапрельского солнца проникли в окно, она похлопала Артура по ноге, возвращая его в настоящее.

— Я не уверена, что Одри нужно это знать. — Зои предприняла еще одну попытку: — Наверняка есть что-то еще, что ты мог бы сказать? Смягчить удар.

Наморщив нос, Артур на мгновение задумался, а потом добавил:

— Ладно, скажи ей, чтобы купила себе моркови. Она недоедает овощей, но всегда любила морковь.

Зои подавила смешок и, увидев, что Артур серьезен, быстро изменила выражение лица. Достав ручку из кармана, она записала его слова и выжидающе посмотрела на пациента.

— Все поняла? — спросил он.

— Да, все, — заверила она. — Ты точно хочешь, чтобы я передала это Одри?

— Да, хочу. — Артур промолвил слабым, но решительным тоном.

Зои предпочла не настаивать на своем. Она видела, что пребывание в комнате отдыха истощило его силы. Румянец на щеках Артура поблек, а дыхание стало еще более напряженным.

Медсестра встала и покатила Артура обратно к его кровати. Зои мысленно отметила, что Артур, вопреки своему обыкновению, не посмотрел в окно и не восхитился парой дубов, которые и дали название хоспису «Оукс».* Опыт подсказывал Зои, что дни ее пациента сочтены.

По правде говоря, Артур был не первым, кто захотел передать своим родным и друзьям прощальные откровения, и Зои была уверена, что он не станет последним. Записывать предсмертные слова умирающих и послания к тем, кого они покидают, Зои начала с тех пор, как два года назад устроилась медсестрой в хоспис. Она знала, какое мощное воздействие может оказать финальная нота на тех, кто остается, и каким катарсисом это становится для тех, кто уходит.

— Привет, Зои! — Громкий голос с австралийским акцентом, донесшийся сзади, прервал ее размышления.

Обернувшись, она столкнулась со своим коллегой Майлзом Андерсоном. В теплом пальто, запихивая

---

* Oaks (англ.) — дубы.

в рот остатки сэндвича с беконом, Майлз выглядел так, словно только что закончил смену на городской свалке, и уж никак не походил на медбрата, заступающего на дежурство.

Зои гневно посмотрела на него:

— Я думала, ты уже полчаса как на работе?

Майлз пожал плечами, стряхивая крошки с густой темной бороды, ничуть не смущаясь упрека от Зои.

— Знаешь, как это бывает. Гуляли вчера допоздна, утром не мог встать.

Зои нахмурилась. Как это бывает, она действительно знала, но не одобряла. Коренной австралиец, как и она, Майлз в свои тридцать девять, будучи на пять лет моложе Зои, не в пример ей изо всех сил старался прожить каждое мгновение так, будто оно последнее. И, по его собственному выражению, в свои почти сорок был практически мертв.

— Может, хотя бы попробуешь, — произнесла Зои сквозь стиснутые зубы. — Ты живешь за углом. Опаздывая на работу, ты поступаешь нечестно по отношению к пациентам и ко всем нам.

— Да, да.

Изогнув светлую непослушную бровь, Зои выпрямилась во все свои пять футов пять дюймов* и окинула Майлза, как она надеялась, испепеляющим взглядом. Казалось, это возымело эффект. Майлз поспешно снял пальто и сунул обертку от сэндвича в карман.

— Извините, босс. — Он как будто искренне раскаивался.

Зои пожала плечами.

---

* 165 см.

— Босс еще только на сутки, а потом приступит к работе новый траблшутер*.

— Временный траблшутер, — поправил Майлз, вытирая засаленные руки о скраб-брюки. — Как долго он здесь пробудет?

— Пока семья Харпер не убедится в том, что под их крылом дела в «Оукс» идут хорошо, — ответила Зои.

— И тогда объединят его с хосписом Святой Марии, — мрачно заметил Майлз, имея в виду новый современный хоспис в Бристоле**, обгоняющий «Оукс» почти во всех опросах.

Когда на лице Майлза появилось хмурое выражение, Зои хихикнула. С тех пор как Майлз переспал с одной из медсестер хосписа Святой Марии и женщина имела наглость разбить ему сердце, у него был пунктик по поводу конкурирующего заведения.

— Я не понимаю, зачем нам вообще нужен траблшутер, — проворчал Майлз. — Мы и так со всем справляемся.

— Видимо, недостаточно хорошо справляемся, — усмехнулась Зои, устремив ясные голубые глаза на медбрата. — Единственное утешение в том, что он будет еще и руководить средним медперсоналом, так что меня наконец избавят от этой повинности.

Майлз рассмеялся.

— Надеюсь, тебе повезет. Ходят слухи, что парень с характером.

— Вот и отлично! — воскликнула Зои. — Значит, он сумеет приструнить тебя, когда ты опаздываешь или от-

---

* Troubleshooter (англ.) — дословно «отстреливающий проблемы». Специалист по решению сложных и запутанных проблем.

** Расстояние между Бристолем и Батом составляет 18 километров.

лыниваешь от работы по субботам, звоня утром и притворяясь больным.

— Ну, не каждую же субботу, — запротестовал Майлз.

— Достаточно часто, чтобы я это заметила, — вздохнула Зои и тут же просияла. — В любом случае, теперь это не моя проблема, а Бена Таскера.

— Что ж, было бы неплохо иметь в начальниках парня вместо всех этих женщин, — проворчал Майлз, и выражение его лица снова стало страдальческим.

— Мне все равно. — Зои ухмыльнулась. — Скоро я смогу вернуться к тому, что люблю больше всего.

Майлз закатил глаза.

— Я бы предположил, что это персональный груминг, но, зная, что твой бьюти-режим включает только мыло и воду, исключу такой вариант.

Кого-то, возможно, и задели бы столь грубые шутки, но Зои сохраняла невозмутимость:

— Если я не тщеславна по поводу своей внешности, это не значит, что у меня нет личной жизни.

— Не нужно быть тщеславной, чтобы пробежаться расческой по волосам или привести в порядок брови, которые выглядят так, будто к твоему лицу прилипла пара слизней! — воскликнул Майлз, но, спохватившись, что, возможно, зашел слишком далеко, виновато посмотрел на нее из-под своих ухоженных бровей. — Извини, Зои, я не со зла. Просто мы беспокоимся. Все мы. Насколько можно судить, твоя жизнь вращается вокруг одного лишь хосписа.

— И что с того? — теперь уже возмутилась Зои, чувствуя, как ее бледные щеки пылают от негодования. Одно дело — критиковать ее внешность, но ставить под сомнение ее профессионализм — это уже слишком. — Есть

способы проводить время и похуже, чем помогать умирающим.

— Верно, — осторожно согласился Майлз, засовывая руки в карманы. — Но в жизни нужно соблюдать баланс. Ты работаешь сутки напролет. И все эти заметки, Зои! Это такой прошлый век. Ты как святой покровитель умирающих.

— Никакой я не святой покровитель, а письма никогда не устареют. Это очень личная форма общения. — Зои взглянула сверху вниз на Артура, который уже дремал в своем инвалидном кресле.

— Ну, думаю, ты единственная, кто поддерживает на плаву магазины канцтоваров, — поддразнил Майлз.

Зои ничего не сказала. Она не была уникалом, многие медсестры и парамедики из ее окружения писали письма пациентам с неизлечимыми заболеваниями, чтобы поднять им настроение. Многие, как и она, верили, что в наш цифровой век в письме есть что-то особенное. Физическая запись, наполненная радостью, к которой пациенты могут прикоснуться и почувствовать с ней связь, чего не способны воспроизвести текстовое сообщение или электронная почта.

Но Зои знала и то, что никто не занимался этим с такой самоотдачей, как она. Только она старательно спрашивала каждого пациента хосписа, не желает ли он оставить напоследок какое-нибудь послание. Случалось, она делала эти записи за мгновение до последнего вздоха, иногда — за несколько дней или часов до того, как пациенты уходили в мир иной. Просто Зои не понаслышке знала, насколько важны последние слова для тех, кто остается жить. Как эти слова становятся опорой в мрачные моменты предстоящей скорби.

— Ты — потрясающая медсестра, Зои, — продолжил Майлз. — Я просто ума не приложу, почему тебе не хочется жить веселее.

— Мне хватает веселья на работе, — спокойно сказала она.

Майлз покачал головой, как будто понимая, что перед ним безнадежный случай.

— Зои, работа здесь — это сущая каторга. Ты ни разу не брала отпуск, никогда не берешь отгул...

— Да, я знаю!

— Хотя бы чтоб заняться *стиркой*. — Он припечатал ее взглядом. — Мне твоя соседка Сара рассказывала.

— Ну, ей бы следовало поменьше болтать, — горячо запротестовала Зои. — Чем я занимаюсь в свободное время — это мое дело.

— Хорошо-хорошо! — воскликнул Майлз, отступая назад, словно опасаясь, что она взорвется. — Это я так, к слову.

— Вот и помалкивай. В любом случае, кто знает, как все сложится, когда завтра здесь появится Бен Таскер.

Майлз улыбнулся.

— Да уж, кто знает. Может, у тебя найдется время для кружки пива в пабе или желание носить одежду, которая не похожа на военно-морскую форму.

На последнем замечании у Зои лопнуло терпение, и она покатила Артура обратно в палату. По дороге она мельком увидела свое отражение в одностворчатых окнах. Майлз прав, она выглядела как старуха в неглаженной униформе, бледная, с седеющими светлыми волосами, настолько неопрятными, будто они жили своей жизнью. Но разве это имело значение? Главное — помогать пациентам уйти достойно, и Зои была уверена, что в этом с ней согласится и новый управляющий.

Глава 2

Майлз был не единственным, кто опоздал на работу в тот день. До конца своей смены Зои недосчиталась еще двух медсестер и волонтера из группы поддержки, которые не явились вовремя на дежурство. В автобусе по дороге домой она чувствовала облегчение, что с нее наконец-то снимают груз ответственности. К тому времени, как она поступила на работу в «Оукс», хоспис как независимое учреждение уже более тридцати лет принимал пациентов, молодых и старых. Зои любила это место сразу, как только переступила порог, но недавно стало очевидно, что фонды иссякают.

Постоянно проводилось сокращение персонала, и Зои часто видела, как члены правления слоняются по коридорам и ведут приглушенные разговоры об экономии средств. Раньше в заведении царила атмосфера оптимизма, но в последние месяцы, по мере того как нещадно урезали бюджет и штат сотрудников, Зои поняла, что прозвучал похоронный звон. Потому никто не удивился, когда совсем недавно семья Харпер, владеющая несколькими хосписами по всей стране, объявила о том, что добавит «Оукс» в свой портфель. Вполне естественно, это известие вызвало смешанные чувства, но правление сделало все возможное, чтобы убедить персонал в том, что

Харперы сумеют изменить ситуацию к лучшему, и сделка была заключена.

На прошлой неделе Зои узнала, что Бен Таскер возьмет ее роль на себя на ближайшие месяцы. словно чудотворец, мистер Таскер в течение нескольких лет работал с семьей Харпер как траблшутер, следил за тем, чтобы все хосписы приносили прибыль, а уход за пациентами оставался приоритетом для каждого учреждения. В то время как все вокруг ворчали по поводу грядущих перемен, Зои была в восторге. Она хотела лишь одного — быть медсестрой, так что приезд Бена Таскера считала благом.

Маршрут автобуса пролегал через центр Бата, и при подъезде к Гилдхоллу* Зои выглянула в заляпанное грязью окно. Дальше впереди виднелся кремовый камень аббатства, затем плотина у моста Палтни, где вода неслась так громко, что приходилось кричать, чтобы быть услышанным.

Древний город Бат покорило сердце Зои спустя два месяца после того, как она приехала в Великобританию. Вместе с подружкой-медсестрой она отправилась в однодневную поездку из Лондона и была очарована, как только они вышли из автобуса. Они любовались элегантным Королевским полумесяцем** и Батским цирком, гуляли по центру, наслаждаясь видами аббатства и Большого насосного зала***. К сожалению, посещение римских терм оказалось не по карману, и пришлось довольствоваться

---

* Муниципальное здание XVIII века в центре Бата.

** Классический образец архитектуры британского позднегеоргианского стиля. Сплошной ряд из 30 домов, образующих сегмент в форме полумесяца. Спроектирован архитектором Джоном Вудом-младшим и построен в период с 1767 по 1774 год.

*** Павильон для питья термальной воды и светского общения, построен в 1789 году архитектором Томасом Балдуином.

сэндвичами в Королевском парке. Наблюдая за игроками в петанк, Зои впервые с момента приезда в Англию почувствовала умиротворение.

Тогда же, возвращаясь на автобусе в свою убогую квартирку в Эрлс Корт, Зои написала домовладельцу и в агентство по найму патронажного персонала уведомления о расторжении договоров. Месяц спустя она переехала в Бат и нашла работу в хосписе «Оукс». Ну, а остальное известно.

И вот теперь она брела по каменным мостовым города, и вечернее весеннее солнце ласкало ее кожу. Всего через несколько минут Зои была дома.

— Привет? — позвала она, отпирая тяжелую деревянную дверь и ступая в крошечную прихожую.

— Мы здесь, — раздалось с другого конца тесного террасного дома.

Зои улыбнулась, услышав голос своей соседки. Сара Рокби, социальный работник, в кои-то веки вернулась с работы пораньше. Зои направилась в сторону кухни, но сделала всего пару шагов, как дочь Сары бросилась к ней, влетая прямо в голени.

— Как у тебя дела, Мэтти? — с теплотой в голосе спросила Зои, когда малышка по имени Матильда, но более известная как Мэтти, обхватила ее ноги своими короткими ручонками.

— Хорошо. Мама рисовала со мной пальчиками, а в школе я ела сэндвичи с ветчиной, — отчиталась шестилетняя девочка, уткнувшись лицом в брюки-скрабы Зои.

— Какой чудесный день. — Зои просияла и подхватила малышку на руки, усаживая себе на бедро. Вместе они прошли на кухню, где Сара стояла у раковины, наполняя водой блестящий чайник Dualit. Он стоил бешеных денег, но Сара утверждала, что в нем получается луч-